

Остров забытых душ

Автор:

[Морвейн Ветер](#)

Остров забытых душ

Морвейн Ветер

Атаниэль Кроу – ведьмак, агент тайной стражи Островной империи. Ему поручено отыскать последнюю из истреблённых во время войны чёрных чародеек. И Атэ знает, где искать. След приводит его в замок старого друга, другого ветерана войны, в темнице которого уже не один год содержат девушку, имени которой давно уже не помнит никто.

Морвейн Ветер

Остров забытых душ

Глава 1. Старые друзья

Атэ пригубил из хрустального кубка, изрезанного золотым узором, редкое красное вино и снова посмотрел на Калена.

– А помнишь, как мы вошли в освобождённую Астарту? Ведьмак, сидевший напротив него, улыбался. Волосы его – всё такие же чёрные и густые, как и в прошлую их встречу, падали на широкие плечи мягкой волной. Мощная грудь мерно вздымалась при каждом вздохе. Прикрыв глаза, Атэ мог расслышать, как размерено, будто колокол в обедню, бьётся сильное и молодое сердце отставного солдата. Кален улыбался, при каждом движении его губ по телу Атэ

разливалась приятная нега. Атэ мог бы не один вечер молча сидеть рядом со старым другом и просто смотреть на него, не вслушиваясь в слова. При этом его суровые черты против воли разглаживались, и если бы он увидел себя в зеркале, то понял бы, что в присутствии Калена и сам становится на десять лет моложе.

- Ты нашёл себе место в новом мире, - сказал Атэ, усилием воли стирая улыбку с лица. Он в очередной раз напомнил себе, зачем пришёл, но заставить себя перейти к делу так и не смог.

- Место? - улыбка Калена стала растерянной. - Ты об этом?

Маг обвёл рукой уставленную дорогой мебелью залу. Только теперь Атэ заметил, что все предметы здесь трофейные. Его пробрала невольная дрожь. Он снова пригубил вино, но стало только хуже - будто удар молнии пронзил его от затылка до самых пяток. Он вспомнил, откуда ему знаком этот тонкий вкус - в самые последние дни, когда они с Каленом, как обычно, в авангарде наступления, вошли в замок Брен Хисалет, они нашли в тронном зале лишь мёртвое тело Марэла Асанты - одного из Семи. Молодой и красивый мужчина, которому было не более тридцати, сидел на каменном троне, впившись тонкими пальцами в деревянные подлокотники. Лицо его иссохло, будто у столетнего старика, но голубые глаза были открыты и по-прежнему смотрели в сторону дверей - Марэл не сдал бы замок теперь, но собственная магия убила его раньше, чем армия ведьмаков.

Тогда Атэ стало тошно. Он встречал этого юношу. Он видел его на балах. Пару раз Атэ даже беседовал с ним. Он бы преувеличил, если бы сказал, что хорошо его знал. Но он помнил рыжие пряди, разметавшиеся по хрупким плечам, и улыбку на скуластом лице, похожую на проблеск пламени в ночной тьме.

А теперь он был мёртв... Ничего неожиданного. Марэл мог быть прав или виноват, но он никогда не сдавался. И он умер непобеждённым.

Атэ помнил, как схватил с одной из тумб бутылку и приложился к горлышку, не думая о том, что это вино могло стать последним спасением Марэла от плена. Он пил и пил, пока последняя капля не упала в его горло, а затем поднял глаза и увидел перед собой смеющегося Калена. В руках друга была такая же бутылка. Не допив до конца, он утёр рукавом губы и отбросил сосуд в сторону. Затем молниеносно приблизился к Атэ и, схватив его за локти, крепко сжал.

– Мы победили, – сказал Кален чётко и ясно, но, как и теперь, Атэ не слышал его слов. Перед глазами его всё стояло высохшее лицо старика, некогда звавшегося Рубином Атоллы.

* * *

Атэ с трудом вырвал сознание из когтей воспоминаний. Вечер стремительно растерял всю свою прелесть. Он медленно, стараясь преодолеть дрожь в непослушных пальцах, поставил бокал на стол.

– ...тогда была жизнь, Атэ. Тогда мы знали, за что сражаемся.

Расфокусированным взглядом Атэ посмотрел на старого друга.

Он знал Калена с юности. Едва добился назначения в самый великолепный из ведьмачьих отрядов – отряд Огненных фениксов. Атэ никогда не испытывал проблем в общении с людьми. Так же и здесь он легко завоевал внимание однополчан.

Кален был другим. Всегда один. Всегда молчалив. Теперь, вспоминая давно прошедшие годы, Атэ подумывал, что это его и привлекло.

Четыре года длилась война. Четыре года плечом к плечу, бок о бок.

Теперь Атэ смотрел в карие глаза на лицо молодого мужчины, выглядевшего на сорок лет и думал – так же изменился он сам?

Дело было не в возрасте. К этому неприятному последствию иты Атаниэль Кроу давно привык. Дело было в том, что в этих глазах поселился мрак. Мрак, который они с таким трудом пытались изгнать из сердец своих врагов.

Похоже, тот говорил уже довольно долго – он так же не нуждался в слушателе, как Атэ – в рассказчике. Опустив руку ниже подлокотника кресла так, чтобы Кален не мог видеть сжатый кулак, Атэ впился острыми ногтями в ладонь.

«Я клинок бесцветного света, – прошептал он мантру, с которой начинал каждый новый день, – моё тело – орудие света. Мой голос – голос света. Мой разум – гарда клинка».

В голове слегка прояснилось, и Атэ снова посмотрел на Калена. Он мог бы назвать то, что происходило с ним, боевым трансом, но транс этот предназначался не для сражения. Сейчас он не был ветераном войны с отступниками и не был другом Калена, он был лишь функцией, щупальцем тайной полиции, проникшим в сердце, неверное Совету Магистров. В каждом слове собеседника он видел правду и ложь, сомнение и пристрастие. Замечал каждую деталь. Отвечал то, что хотели от него слышать.

– Да, Кален, – сказал он, и лишь лёгкая певучесть в голосе могла выдать стороннему наблюдателю его состояние. Но он не боялся быть раскрытым – его голос сам по себе стал орудием гипноза. – Война – это время, которое нам не дано забыть.

– Да, Атэ, я знал, что ты поймёшь...

Кален снова заговорил, вспоминая бордели и таверны, разбитые лагеря и стоны умирающих. Но теперь его монолог вызывал у Атэ лишь раздражение. Молча, не убирая мечтательной улыбки с губ, он дослушал собеседника и произнёс:

– А знаешь, Кален, о чем я жалею больше всего? – Атэ улыбнулся ещё шире, и в улыбке его мелькнул хищный оскал.

– О том, что не оставил себе что-то на память о той войне. Кален усмехнулся и посмотрел на друга. Взгляд его выражал какое-то странное умиление, будто только что он встретил вторую половинку своей души.

– Посмотри по сторонам, Атэ. Я помню, как мы шагали с тобой по пыльным дорогам. Здесь каждая вещь – наша общая добыча. Выбери любую.

Атэ замолчал, свежим взглядом осматривая шикарные апартаменты.

– Вещи, Кален... Вещи – ничто.

Атэ обернулся к другу и увидел, как по его суровым чертам скользнула мимолётная обида. Атэ пригубил вино и медленно облизнул губы. Тишина, повисшая в воздухе, была густой, как утренний туман над болотом.

– Я бы хотел, – он поднял перед собой руку, которую только что сжимал в кулак, и повернул в воздухе кисть с сухими пальцами, унизанными перстнями, – я бы хотел, – повторил он ещё медленнее, нараспев, – взять за горло одного из этих... – он не уточнил, о ком говорит, но Кален понял, и глаза бывшего карателя недобро блеснули. – Я бы хотел снова увидеть кровь на разбитых губах этой мрази, мольбу и страх на лице предателя.

Атэ повернулся к Калену, и в эту секунду они были схожи как братья, или, скорее, как зеркало и его человек. Хищные улыбки на тонких губах и блеск в глазах, навсегда окрашенных эликсирами в красный цвет.

Кален колебался. Атэ видел это. Атэ не торопил. Кален медленно сжимал и разжимал пальцы на дубовом подлокотнике. Кален был одинок. Он хотел поделиться своей самой сокровенной тайной, и Атэ знал это. Ещё немного – и его улыбка стала бы неестественной. Нужно было делать следующий шаг – вперёд или назад. Но Кален сдался. Он резко встал с кресла и, почти дёрнув старого друга вверх, заставил того подняться следом.

Атэ спрятал в пышном воротнике облегченный вздох.

Не решаясь отпустить рукав друга, Кален пинком распахнул дверь и потянул его за собой в глубину тёмного коридора. Атэ следовал за ним, не говоря ни слова. Несмотря на транс, сердце глухо билось где-то у самого горла. Они миновали несколько поворотов и дважды спустились вниз по винтовым лестницам. Запахло сыростью, и Атэ понял, что они оказались ниже уровня земли. После очередного поворота Кален остановился, Атэ врезался в его широкое плечо. Слегка привыкшие к темноте глаза рассмотрели контуры тяжёлой двери, обитой металлом.

– Атэ, – в голосе Калена слышалась непривычная хрипотца. Он облизнул губы и продолжил чуть увереннее: – Поклянись памятью наших братьев. Никто, ни одна живая душа не должна узнать, что ты видел.

Будь в коридоре чуть светлее, Кален наверняка разглядел бы истерический блеск в глазах друга. Тот не колебался.

- Клянусь, - выдохнул он, - клянусь могилами Сенда и Аров, что никто не узнает, куда ты меня привёл.

Он знал, что отвечает невпопад, но Кален был настолько погружён в собственные эмоции, что не заметил ничего. Сняв с груди ключ, он легко нащупал замочную скважину и дважды повернул. Замок щёлкнул.

- Помоги, - попросил Кален и навалился грудью на дверь.

Атэ не сомневался, что Кален много раз открывал её один, но это было будто причащение, будто подтверждение того, что Атэ с ним заодно - и гость упёрся руками в дверь слева от хозяина. Петли заскрипели. На секунду Атэ показалось, что визг ржавого железа сливается с другим, таким же протяжным болезненным звуком, но уже в следующую секунду наступила тишина.

Тьма, царившая в помещении, была абсолютной. Её можно было резать ножом - но она слипалась бы, срасталась обратно. Атэ закрыл глаза, пытаясь преодолеть тяжёлое чувство, будто бы тьма пытается проникнуть внутрь него, пролезает в глазницы и ушные раковины. Теперь, с опущенными веками, он понял, что тишина не абсолютна. Где-то далеко размеренно ударялись о камень капли воды. Каждые две секунды.

Кап.

Кап.

Кап.

Звук был противным, как и скрип заржавевшей двери. Но это было не всё. Теперь он слышал дыхание. Своё. Калена. И не только. В камере был третий. Узник.

Атэ сглотнул, не в силах поверить.

– Посмотри, – Атэ услышал голос друга и вздрогнул. Кален говорил неожиданно мягко, с какой-то странной гордостью. Атэ медленно открыл глаза, ожидая встретить привычную уже темноту. Неяркий свет факела на секунду ослепил его. Наконец цветные круги перед глазами исчезли, и Кален медленно сделал шаг в сторону. На полу рядом с его ногами лежал, как показалось Атэ вначале, брошенный ворох чёрных тряпок. Тряпки когда-то были дорогими – некоторые даже украшали россыпи разноцветных камней. Не сразу Атэ увидел грязные, местами покрытые коркой запёкшейся крови ладони и запястья в толстых стальных наручах. Издали пальцы узника походили на крылья голубя, попавшего под телегу и распластанного на дороге – некогда прекрасные перья теперь превратились в бесполезное грязное месиво. Короткая цепь скрепляла наручи, не позволяя пленнику развести руки в стороны, и он поднял их вверх единственным защитным жестом, который мог себе позволить. При этом края наручей впились в и без того израненную кожу, заставляя кровоточить незаживающие рваные раны.

Негнуцимся ногами Атэ сделал ещё один шаг. Облизнул внезапно пересохшие губы.

– Темный маг? Где ты его взял? Кален не ответил.

Атэ подошёл ещё ближе и попытался отвести в сторону ослабевшие руки пленника. Тот слабо сопротивлялся, но силы были не равны. Атэ перехватил скованные запястья ловчее... и тут же выпустил их. Его собственные пальцы стали ватными, и он с трудом смог удержать контроль. Атэ видел многое. Он сжигал в срубках вопящих беременных женщин – ещё не рождённую поросль тёмного леса. Не щадил ни детей, ни стариков. Он видел, как трое солдат насилуют мальчика-подростка, а затем один из них ставит не вошедшего в силу колдуна на колени и раскалённой кочергой выжигает ему глаза. Светлые. Тёмные. Он не помнил, кто из них кто. Шла война. И каждый имел право на месть. Но тут...

Атэ плотно сжал зубы, внезапно почувствовав, что размяк. Вновь затвердевшей рукой он рванул вверх подбородок распластанной перед ним девушки – тёмной магессы, одновременно пытаясь отвести от её лица скованные руки. Та слабо захрипела. И только теперь Атэ увидел, что шею колдуньи обнимает металлический ошейник, скованный короткой цепью с её запястьями. Стало понятно, что пленница не смогла бы подчиниться желанию Атэ, даже если бы и

хотела. Но отчасти Атэ добился своего – увидел жёлтое, как высохший папирус, лицо. Щёки, нос, губы колдуньи пересекали грубо сросшиеся шрамы – будто кто-то, возможно, она сама – впился когтями в кожу на лбу и рванул вниз. Изуродованные губы имели тот же бледно-желтый оттенок. Но всё это меркло в сравнении с тем, что увидел Атэ в первую же секунду – у пленницы не было глаз.

Ровные ряды стежков навсегда сомкнули её веки.

* * *

Как и тогда, в Брен Хисалет, его охватило неудержимое желание бежать. Развернуться и нестись прочь без оглядки. Но он уже не был тем юнцом, что свято верил в непогрешимость своего командира. Даже тогда он нашёл в себе силы спрятать потрясение за хищным оскалом. Теперь все было проще. И, одновременно, сложнее.

«Зачем?» – хотел спросить он, но вместо этого, не выпуская из рук подбородок пленницы, повернулся к Калену и облизнул губы, выигрывая время. Транс уже спал. Атэ хотел, но не мог прочесть выражение лица друга. Гордость? Жестокость? А может, даже... любовь?

Кален в задумчивости протянул вперёд руку и легко огладил висок пленницы. Та моментально рванулась прочь, снова разрывая кожу на шее. Атэ не преминул отметить про себя, как разнится реакция пленницы на его касания и ласки Калена. Она не могла видеть пришельцев, а наручи блокировали возможность ощутить их через силу – и всё же она узнала Калена. Без сомнения.

Атэ снова сглотнул, подбирая слова.

– Лени, – сказал он мягко, нарочно используя имя, которое не произносил со времён войны, – знаешь, чего я хочу?

Кален опустил пальцы ниже, пересекая стальной ошейник, и слегка коснулся ключицы узницы. Ту крупно трясло. Атэ не сомневался, она стала бы частью стены, если бы могла.

– Лени, – повторил Атэ почти нежно, вновь обращая на себя внимание.

Кален с трудом оторвал взгляд от магессы и повернулся к Атэ. Теперь он коснулся кончиками пальцев виска гостя. Прикосновение было едва уловимым. В нём сквозила нежность отца, встретившего сына после долгой разлуки. Атэ понимал это как никто. Но он не забыл, как эти же нежные пальцы касались изорванной кожи пленницы. Кален что-то говорил. Заставив себя сконцентрироваться, Атэ осознал, что уже некоторое время крупно дрожит. Он не стал преодолевать эту невольную реакцию – он видел, что если Кален и заметил что-то, то явно понял по-своему.

– ...да, тебе я верю, – Атэ наконец разобрал слова.

– Ты оставишь меня с ней? – спросил Атэ внезапно осипшим голосом.

Лицо Калена осветила мимолётная печальная улыбка.

– Всё так же застенчив, – сказал он и потрепал коротко стриженные кудри Атэ, а после взял в ладони его кисть и вложил в дрожащие пальцы связку ключей.

– Разберёшься, – прошептал он, склонившись к самому уху гостя и тут же отодвинувшись от него.

Затем быстро отстранился и прошёл к двери. Однако уже у самого выхода остановился, закрепил факел на стене и, помедлив секунду, бросил через плечо:

– Только не убивай её. Я к ней, – Кален усмехнулся, – привязался.

Глава 2. Старые враги

Дверь за спиной Калена глухо стукнула, заставив Атэ вздрогнуть. Чтобы успокоиться, он для начала прикрыл глаза и прислушался к темноте. Собственное сердце стучало глухо, как обтянутые войлоком копыта коня в рейде. Сердце пленницы рядом и вовсе билось едва слышно.

Стены. «Толщиной не меньше метра», – отметил Атэ. Он инстинктивно погрузил руку в противоположный рукав и коснулся маленького конвертика, пришитого к рубашке изнутри. Глубоко вдохнул, заставляя себя расцепить пальцы. «Рано», – сказал он сам себе, понимая, что использовать иту сейчас – значит выдать себя и перед Каленом, и перед пленницей. Атэ открыл глаза и ещё раз посмотрел на темную магессу. Та сидела, изо всех сил вытянув шею, будто вслушивалась в движения своего гостя.

– Не бойся, – тихо произнёс Атэ.

Конечно, это не помогло. Зато теперь он, наконец, получил возможность внимательно рассмотреть пленницу. Её длинные волосы давно потеряли цвет. По всей длине тут и там они были вымазаны субстанциями неизвестного происхождения. Была здесь и кровь, и что-то ещё, более отвратительное. Изуродованное лицо невозможно было узнать, хотя Атэ и помнил портреты всех отступников лучше, чем имена своих предков. Атэ приблизился и присел напротив пленницы. Он протянул руку и осторожно коснулся краешка её одежды. Тело отступницы напряглось, натянулось, как тетива лука перед выстрелом. Атэ не знал, хотела ли та броситься прочь или в атаку – ошейник не позволил бы сделать ни того, ни другого.

– Как мне тебя называть? – спросил Атэ, тщательно контролируя голос. Он был бы не прочь сейчас уйти в транс, но сделать это вот так, сразу после прошлого сеанса, не мог.

Губы узницы скривились в усмешке, краешки едва подживших ран разошлись, выпуская наружу капельки крови.

Она издала нечленораздельный хрип, но не более того.

Внезапная догадка холодком отозвалась в позвоночнике Атэ.

– Открой рот, – приказал он резко, слишком резко – и, не дожидаясь реакции, одной рукой взялся за скулы пленницы, а другой потянул её подбородок вниз, одновременно просовывая ей в рот палец.

Однако едва приоткрывшиеся челюсти тут же сжались. Атэ вскрикнул от неожиданной боли и попытался высвободиться. Это оказалось не так просто.

Отступница яростно сопротивлялась. Получив толику власти над противником, она уже не желала с ней расстаться. Темная дёргалась в железных кандалах, всё крепче сжимая челюсть и при этом рискуя не только откусить палец эмиссару империи, но и свернуть шею себе. Ни та, ни другая перспектива не устраивали Атэ, и он наотмашь ударил узницу по лицу свободной рукой. Захват её челюстей на секунду ослаб, и Атэ отскочил прочь, баюкая ноющий палец. Пленница издала злобный нечленораздельный стон.

Атэ тяжело дышал. Он видел кровь на изувеченном лице, на горле, кровью пропитались чёрные лохмотья. Но узница даже не пыталась коснуться ран плотно скованными руками. Атэ стало стыдно, и он опустил кисть, напоследок помахав ей в воздухе, словно для того, чтобы стряхнуть боль с укушенного пальца.

– Хороша, – сказал он, всё ещё пытаясь отдышаться. – Первый раунд за тобой. Я буду звать тебя Тар Ханэ – Бешеная Куница.

Узница довольно оскалилась, и Атэ улынулся в ответ, хоть темная и не могла этого видеть. Он был доволен и добился, чего хотел – в те несколько секунд, пока паника и боль ещё не овладели Атэ, он нащупал во рту пленницы язык и теперь знал, что та может говорить. Просто не хочет общаться со светлым. «Неудивительно», – мелькнула в голове Атэ короткая мысль, но он отогнал её, сосредотачиваясь на работе.

– Тар Ханэ, – произнёс Атэ, приучая пленницу к новому имени, – твой разум цел? Или годы плена сыграли с тобой злую шутку?

Месиво из старых и новых шрамов, служившее пленнице лицом, шевельнулось. Она поняла вопрос, но не сочла его достойным ответа.

– Если разумна, то выслушай меня.

Атэ сделал паузу, пытаясь понять, согласилась ли узница. Некоторое время царил тишина. Затем магесса медленно произнесла, будто почувствовав мысль Атэ:

– У меня нет выбора.

Атэ улыбнулся. Пленница ответила. Ей было любопытно?

– Я не... – Атэ хотел было сказать, что не собирается делать то, чего ждут от него Кален и сама пленница, что не причинит ей боли, но тут же отмахнулся от несвоевременной слабости, которая могла лишь оскорбить собеседницу. – Я, – повторил он увереннее, – сейчас открою замок у тебя на ошейнике, – он снова сделал паузу, увидев, как дёрнулась пленница навстречу ему, и прекрасно понимая, что сделано это не в порыве благодарности. – Ты бросишься на меня, – продолжил Атэ, – и попробуешь перегрызть мне горло. Ты могла бы добиться успеха, если бы не была так вымотана, а кандалы сковывали только твоё тело, а не душу. Впрочем, если б это были простые кандалы, я был бы уже мёртв.

Пленница зло усмехнулась.

– Итак, – продолжил Атэ, – если даже тебе удастся меня убить – а это сейчас маловероятно – через некоторое время меня хватится мой друг, хозяин этого замка. И вряд ли ты сможешь убить и его.

Узница не двигалась, не выражая никаких эмоций.

– Конечно, ты можешь рискнуть, – Атэ задумался и добавил: – Я бы рискнул. Если бы был безумен. Если бы у меня не было надежды.

Тар Ханэ не отвечала, но для Атэ это уже было согласием.

Узница пока не оставила мысль о побеге.

– У нас есть другой вариант, – продолжил Атэ. Он видел, как в смятении мечутся глазные яблоки темной, скованные веками. Пленница слушала. – Я открою замок, и ты подпустишь меня к себе. Я осмотрю твои раны. Ничего более, – поспешно добавил Атэ, заметив, что губы магессы снова начинают кривиться в злой усмешке. Теперь было самое трудное. – Потом я закрою кандалы, Тар Ханэ. Но я не прикую тебя к стене. Это будет жест доброй воли.

– Награда, – выплюнула узница сквозь зубы всё с той же злостью.

– Нет, – спокойно сказал Атэ. – Именно жест доброй воли. Потому что я вернусь. Как только смогу. И заберу тебя отсюда. Клянусь.

Отступница ответила не сразу. Вопрос повис в воздухе, но Атэ ждал, пока он прозвучит вслух.

– Посмотри на меня, – сказала пленница почти спокойно, – неужели ты думаешь, я поверю... ведьмаку?

– У меня нет ответа, – сказал Атэ тихо. – Решать только тебе. Он снова сделал паузу, дожидаясь, пока пленница осмыслит сказанное.

– Я подхожу, – предупредил он через некоторое время. Тёмная сидела неподвижно. Атэ присел на корточки и коснулся пальцами стального ошейника. Узница по-прежнему не двигалась. Атэ нащупал замок и стал по очереди пробовать разные ключи из связки. Он не торопился. А вот пленница начинала выходить из себя. Она тяжело дышала. Терпеть другого человека так близко она могла с трудом. Наконец, замок щёлкнул. И раньше, чем Атэ успел вытащить ключ, отступница рванулась вперёд. Обломанные ногти впились в горло Атэ, но чуда не произошло. Отчаяние не придало пленной магессе сил. Атэ легко отшвырнул противницу к стене – тело её было лёгким, как пушинка.

Не дожидаясь новой атаки, Атэ рванул из рукава конверт с итой и, торопливо вдохнув её, воздел руки перед собой. Он провёл ладонями от середины в сторону, и тело противницы, и без того распластанное по камню, растянулось, будто морская звезда, прикованная к песку – руки над головой, ноги широко разведены в стороны. Атэ медленно подошёл ближе. Теперь он мог не сомневаться, что пленница не сможет сопротивляться, но предпочитал не рисковать. Воля к победе, накрепко засевшая в голове тёмной, вызывала невольное восхищение.

Атэ развёл в стороны полы и без того разорванной мантии и увидел перед собой впалый живот и маленькую, исхудавшую грудь. Тар Ханэ почти не кормили. Это не удивило ведьмака. Он положил пальцы на грудь пленницы чуть ниже плеча, туда, где темнел синий завиток какой-то татуировки, и медленно провёл вниз, минуя многочисленные шрамы. Та издала глухой яростный стон, и, к своему

удивлению, Атэ увидел, как тело её выгибается навстречу, требуя продолжения. Атэ резко отдернул руку и отступил. Он чуть было не утратил контроль над магическими узами, удерживавшими пленницу неподвижно, настолько неожиданной оказалась эта реакция. Он всмотрелся в измученное лицо – зубы пленницы оказались плотно сжаты, она удерживала контроль с таким же трудом, как и сам Атэ. Решительно замотав головой, чтобы отогнать наваждение, Атэ снова подошёл к отступнице и прочертил пальцами ту же линию.

– Я просто проверю, всё ли в порядке с внутренними органами, – сказал Атэ вслух, не зная, кому больше нужны эти объяснения, ему или пленнице. – Сердце, – произнёс он, останавливаясь ненадолго там, откуда раздавался размеренный тяжёлый стук. – Лёгкие, – он прочертил пальцами линию слева направо, заставляя пленника закашляться. – Небольшой бронхит.

Атэ неуверенно накрыл руками грудь пленницы и сосредоточился, снимая воспаление. Несмотря на всю свою осторожность, Атэ видел, как реагирует тело пленницы на эти прикосновения. Это было неестественно, но Атэ заставил себя не думать о возбуждении своей невольной пациентки. Проведя ладонями дальше, ведьмак исследовал органы пищеварения.

Нахмурился, обнаружив застарелую язву желудка, и мягко погладил пленницу по впалому животу. Движение пришлось повторить несколько раз – здесь требовалось куда больше целительной энергии. И каждый раз, когда пальцы Атэ касались израненной кожи, пленница вздрагивала и крепче сжимала кулаки, припиленные к стене магией иты.

– Вот и всё, – произнёс Атэ, убирая руки.

Отступница молчала, занятая собственной внутренней борьбой. Атэ аккуратно запахнул обрывки мантии, поднял с пола ошейник и снова защелкнул его на шее пленницы.

– Я сдержу обещание, – сказал он, отодвигаясь, – путы скоро спадут, и ты сможешь передвигаться по камере. Но тебе же лучше, если Кален не узнает ни об этом, ни о том, что мы делали наедине, – Атэ коротко усмехнулся. – И чего не делали, конечно.

* * *

Атэ подцепил факел и вышел из помещения.

Он плотно закрыл дверь и запер одним из ключей, висевших на связке. Теперь, когда в руках у него был хоть какой-то источник света, путь наверх показался не таким долгим и запутанным. Однако стены, пропитанные тьмой, всё так же давили на него со всех сторон.

Кален ожидал его в той же гостиной. Он пил вино из серебряного кубка, разукрашенного звериным орнаментом.

– Тебе понравилось? – спросил он, слегка поворачивая голову в сторону гостя.

Атэ только кивнул, не в силах врать. Он взял со столика забытый хрустальный бокал и залпом осушил его.

– Кален, – сказал он медленно, будто ему приходилось говорить в воде, – я устал сейчас. И меня ждёт... ждут.

Кален довольно кивнул и хитро посмотрел на Атэ.

– Но ты придёшь ещё? – спросил он.

– Обязательно, – Атэ почти выдохнул это слово и замолчал, не желая продолжать.

Кален рассмеялся.

– Да, Атэ... Это власть... – глаза его, устремлённые сейчас на огонь, блестели, отражая всполохи пламени. – Власть, которой не найдёшь даже в покоях императора... – он тряхнул головой, останавливая себя. – Что это я... Слишком много говорю, а ты устал.

Кален поднялся и протянул руку Атэ. Тот пожал предложенную ладонь непослушными пальцами.

– Я тебя провожу, – добавил Кален, подхватывая с кресла плащ.

Они вместе вышли во двор, Кален помог Атэ оседлать коня. Сплошной стеной шёл дождь, и Кален дважды спросил Атэ, не хочет ли тот остаться и переждать непогоду. Атэ лишь качал головой. Только миновав ворота замка, он смог вдохнуть спокойно. Впрочем, и эта минута одиночества оказалась недолгой. Стоило лишь Атэ выехать на мост, соединявший владения Калена с островом Душ, как в голове у него раздался встревоженный голос Нэта.

– Что там, капитан?

Атэ покачал головой, затем, спохватившись, произнёс мысленно:

– Не могу пока говорить.

– Очередная пустышка? – не унимался Нэт.

Атэ действительно было трудно сосредоточиться на разговоре. Дождь все ещё лил как из ведра. Конь то и дело поскользнулся. А мысли всё время возвращались к тому, что Атэ предпочёл бы не показывать своему юному помощнику.

– Завтра. Утром, – бросил он коротко, и хотя Нэт еще несколько раз пытался что-то уточнить, больше не обращал на него внимания.

* * *

Дома он оказался уже далеко за полночь. Однако стоило промокшему до нитки, похожему в эту минуту на искупавшегося в луже кота, капитану пересечь порог, как стройная фигурка устремилась к нему, повисла на шее, принялась распутывать завязки плаща.

– Лана, – выдохнул Атэ, не успев произнести ничего больше. Мечущиеся из стороны в сторону светлые косы то и дело задевали его грудь. А когда он склонил голову, выбившиеся из прически Ланы завитки начали щекотать нос и уши, еще более усиливая смятение стража. Вот уже тонкие руки справились с застёжками камзола и принялись бороться с мокрым кружевным воротником.

– Лана, перестань, испачкаешься и простудишься, – сказал он сурово. Собрал последние силы и отстранил девушку, чтобы рассмотреть ее, удерживая на вытянутых руках.

Лана была одета в одну лишь ночную сорочку из зелёного шёлка, уходившую в пол вдоль стройных ног. Под глазами у нее слегка припухло, и припухлости эти выдавали девушку с головой.

– Опять не ложилась? – спросил Атэ, бросая косой взгляд на диван. Возле дивана лежали упавшая на пол книга и беспорядочно разметавшийся кашемировый плед.

Лана отрицательно покачала головой.

– А ты чего ждал? – спросила она.

Атэ вздохнул. Отпустив девушку, он подошёл к дивану, поднял книгу и, заложив страницу уголком, посмотрел на обложку:

– Тайны Империи или Ночные переулки Атоллы... Свет всемогущий, Лана, ещё бы после такого уснуть.

Девушка не ответила. Она переместилась к буфету и принялась хлопать дверцами.

– Нет, Лана, нет! – Атэ воздел руки перед собой, предваряя вопрос. – Я ничего не буду. Я ничего не хочу.

Он подошёл к ней вплотную и, смирившись с тем, что сорочка уже промокла насквозь, нежно обнял Лану и поцеловал её в лоб.

– Золотце моё, я устал как гребец на галерах. Я даже не знаю, смогу ли уснуть. Я был у Калена. Мы вместе служили когда-то. Мы ничего не делали, только выпили пару бокалов вина. Но там за окнами тропический ливень, меня разморило, я на ногах не стою. Прошу тебя, пожалуйста, просто пошли спать.

Лана с сомнением посмотрела на Атэ.

– А если ты простудился? – спросила она.

Атэ яростно замотал головой. Лана отставила в сторону графин с водой, в которой уже собиралась что-то растворить.

– Ладно, – сказала она осторожно и так же аккуратно поцеловала Атэ в лоб, – но больше так не делай, хорошо? Атэ не ответил. За вечер он уже порядком устал врать. Только снова коснулся губами нежного виска и побрёл к спальне, раздеваясь на ходу.

Глава 3. День

Атэ так и не сомкнул глаз до рассвета. Ближе к утру он встал и тихонько, чтобы не разбудить Лану, прокрался к окну. Укрывшись гардинами, капитан долго смотрел на север – туда, где вздымались в небо подёрнутые туманной дымкой шпили Брен Тантара. Это имение, доставшееся Калену совсем недавно, находилось на западном окончании архипелага. Практически это был уже не остров, а небольшая часть суши, которая во время прилива соединялась с материком лишь тонким перешейком. Кален был младшим в семье и на родовое гнездо никогда не претендовал, но война изменила слишком многое. Его старший брат погиб. Отец был тяжело ранен.

Брен Тантар принял удар отступников первым. Вековые стены дрогнули... но устояли. Впрочем, тогда чародеев ещё не называли отступниками, тогда их звали – слуги Армии Заката.

И вёл их могущественный Сайдэ Киан. Он стал единственным из темных магов, чей сговор с Изначальными удалось доказать. Но к тому времени, когда всеми правдами и неправдами солдатам Атоллы удалось загнать Киана обратно на материк, любого, кто мог читать заклятья, не вдохнув эликсиров, называли преступившим.

Атэ мог это понять. Ита, Пыльца фей, лежала в основе всех магических напитков, но использование её обходилось слишком дорого – во всех отношениях. Такие, как он, быстро старели, а перед смертью часто сходили с ума. К тому же каждая новая порция иты действовала хуже предыдущей. А ещё – глаза, которые с годами у ведьмаков начинали пылать красным закатным заревом...

А вот чародеям порошок был не нужен. Они черпали силу у самих Изначальных. Магия будто бы текла по их жилам. Магия, какой сидевшие на ите имперские ведьмаки не могли себе даже представить. Им завидовали. А потому, когда к рубежам империи подошла Армия Заката, напитанная силой демонов, это послужило сигналом для всех, кому чародеи были костью в горле. Не смущаясь того, что настоящий враг стоит у стен, толпы недовольных, подгоняемые аристократией, жгли башни магов и ровняли с землёй дворцы тёмных – а чародеи, надо сказать, жили весьма неплохо. Внезапно те, без кого накануне не обходилось ни одно торжество, кого любили и почитали в больницах и школах, в армии и в торговле – оказались виновниками войны.

И вот тогда появилось слово «отступники». Атэ не знал ни одного чародея, который после погромов остался бы на стороне империи. Все они ушли на континент, и многие поддержали Киана. Те семь... О них заговорили уже ближе к концу. Теперь Атэ не был уверен, что они были врагами. А тогда, как и сказал Кален, всё было просто. Ведьмаки получили приказ. Приказ уничтожить тех, кто убивал и калечил их братьев и сестёр. И ведьмаки сделали своё дело – как всегда.

Конечно, после войны начались суды. Люди всегда любят искать правых и виноватых. Вот только судить было уже некого. Все Семь были мертвы. И ведьмаки... Большинство из них тоже отправилось к Изначальным. Ита собирала свои жертвы.

Атэ против воли оглянулся на спящую в его постели девушку. Они с Ланой были одногодками. Даже однодневками. Родители поженили их при рождении. Но если Лана выглядела чуть старше двадцати, то ему теперь можно было дать все сорок. Конечно, он был крепок духом и телом – работа обязывала. Да и иту он принимал только в самых крайних случаях, стараясь обходиться трансами и физическими практиками. Только потому, должно быть, он и был ещё жив. И даже более или менее в здравом рассудке. В отличие от Калена...

Атэ вздохнул и снова посмотрел за окно.

Война давно прошла, но шрамы её тут и там виднелись на гладкой коже Атоллы. Они с Каленом сами были наподобие этих шрамов – неприятным напоминанием о том, что и светлые не всегда правы. Атэ давно свыкся с этой мыслью. Просто старался меньше показываться на глаза тем, кто не желал его помнить. Теперь же, побывав в тайных подвалах замка Брен Тантар, он понял, какой полноценной жизнью жил все эти годы. Капитан не знал, кто мучает его сознание больше – тёмная чародейка, прикованная цепью, изуродованная и забытая всеми, или бывший ведьмак и верный друг, навсегда оставшийся на войне.

* * *

Светало. Атэ увидел, как прозрачная завеса первых солнечных лучей отражается в окнах далёкой мельницы. Дождь давно закончился, и утро обещало быть ясным. Атэ обернулся, подошёл к кровати и осторожно поцеловал Лану в висок, стараясь не потревожить её сон. Затем обошёл постель и, на минуту остановившись перед зеркалом, пригладил каштановые кудри и рыжую бороду. В такие дни он как никогда радовался ей – борода не только помогала скрыть эмоции от врагов, но и не позволяла друзьям разглядеть его болезненный вид. Лана как-то попросила его избавиться от этого чисто мужского украшения, которое, по её мнению, старило Атэ ещё больше, но он отказался категорически.

Ведьмак достал из комода новую рубашку – на сей раз совсем простую – и бледно-голубые штаны. Натянув их, накинул сверху такой же простой светло-синий камзол. Плащ ещё не высох, надевать его не хотелось, но и дома бросить было нельзя – какая-никакая, а всё же гвардия. Подумав, Атэ перекинул этот символ служения Империи через локоть и отправился к двери. Уже в прихожей Атэ наткнулся на зевающую экономку.

– Завтракать будете, господин?

В животе у Атэ требовательно заурчало, но он лишь отрицательно покачал головой. Мысль о том, чтобы есть, сидя на солнечной веранде, пока незнакомая, но теперь уже подопечная ему чародейка сидит в кандалах голодная и израненная, вызывала отвращение. Он торопливо вышел на улицу, не дожидаясь, пока Карти начнёт его уговаривать, но у коновязи остановился. Ехать верхом не было сил. Бессонная ночь давала о себе знать. Пройдя пару

домов вдоль улицы, Атэ остановился на перекрёстке и привлёк внимание извозчика.

– До Острова Стражей, пять монет, – бросил он. Извозчик посмотрел в ответ с нескрываемым удивлением.

Особенно внимание его привлёк белый плащ, перекинутый через локоть – стражи редко пользовались наёмным транспортом.

– Да или нет? – спросил Атэ ровным голосом, готовый окликнуть другого.

Извозчик кивнул в сторону закрытого экипажа. Атэ залез внутрь. Кэб тронулся. Он ещё успел увидеть два моста, промелькнувшие за окнами, и несколько дворцов, когда сознание его, наконец, уступило сну.

* * *

Серая мгла поглотила острова и мосты, кареты и прохожих. Мельницы и лавки тонули в этом мутном мареве. Всё вокруг было мертво, всё поглотила тишина. Он видел, как густой туман выползает из-под колёс кареты и поднимается вверх клубами тьмы. Он видел людей, открывавших рты, чтобы произнести слова, но не слышал от них ни звука. Только один глубокий, как волны моря, женский голос плыл над всем, неподвластный ему. Атэ сконцентрировался на этом голосе в расчёте сбежать с его помощью из этого серого марева, вырваться на свободу. Спустя некоторое время он расслышал слова, суть которых не сразу принял и осознал.

{– Я жду...}

Раз за разом голос повторял всего два слова:

{– Я жду...}

Интонации менялись от ярости до боли, от шёпота умирающего – до крика молящего о спасении. Но слова каждый раз были одни и те же:

{- Я... жду...}

Иногда голос затихал, и Атэ слышал его будто бы через стену. Иногда звучал так громко, что Атэ казалось, что говорящая совсем близко. И капитан бежал по улицам, покрытым серым маревом, сам не зная, какова его цель – настичь этот голос или сбежать от него. Наконец он выдохся и остановился. Атэ замер, закрыл глаза, сконцентрировавшись на голосе, и тут же понял, что он звучит уже со всех сторон, но при этом так и не стал ближе. Иногда голос терял глубину и походил уже на скрежет, на скулеж дикого зверя – а потом снова креп. Теперь, когда Атэ не видел ничего вокруг себя, кошмар принялся набирать объём: он чувствовал боль – на лице, в запястьях, в груди... Его тела касались незнакомые руки, грубые и бесцеремонные.

- Кэп! Кэп, приём!

Уже другой голос, мужской. Он не спорил с первым, просто не замечал его. Он резал туман, будто нож масло, не терпел противоречий и неопределённостей.

- Капитан, отзовитесь.

Атэ резко открыл глаза и со свистом втянул в лёгкие свежий воздух.

- Капитан, вы как?

- Всё отлично, – ответил Атэ по привычке и только теперь понял, что второй голос тоже существует только у него в голове.

Атэ встряхнулся, приходя в себя.

- Что это было? – спросил Нэт тем временем.

Атэ поморщился. Малец слишком злоупотреблял пыльцой по поводу и без, и жертвой, как всегда, оказывался он сам.

- Мы приехали? – спросил Атэ, высовываясь из окошка. Кэб уже некоторое время стоял неподвижно.

Извозчик сплюнул и обернулся:

- Телега перевернулась. Извольте видеть.

Атэ посмотрел на дорогу перед кэбом и действительно увидел перевёрнутую телегу и рассыпавшиеся по дороге помидоры.

- Пойдёте разбираться?

Атэ поморщился. Извозчик явно не видел разницы между капитаном тайной стражи и патрульными.

- Нет, - бросил он в воздух и следом, уже в ладонь извозчика - обещанные пять медяков.

Не глядя, как кучер прячет их в карман, Атэ размял плечи и быстрым шагом направился вперёд.

* * *

До дворца правосудия оставалось совсем недалеко. Атэ пересёк еще один мост, дважды свернул и зашёл в небольшую дверь, спрятанную меж мраморных колонн с торца здания. В помещении было душно. Караульные вежливо поклонились, пропуская его внутрь. Он миновал длинный коридор и зашел в средних размеров комнатку. Тут же, не здороваясь, прошёл к окну, которое, к счастью, выходило в зеленый двор, открыл его настежь и только потом обернулся и осмотрелся по сторонам.

Центр комнаты был пуст, он обычно служил для разного рода экспериментов и обсуждений. Около правой стены стояли шкафы с оружием и склянками всех видов - от эликсира жизни до змеиной бомбы. Вдоль левой протянулся длинный стол, за которым сидел молодой парень со светлыми волосами, стянутыми в узел на затылке. Камзола на нём не было, только белая рубашка, кожаная жёлтая жилетка и коричневые штаны, заправленные в высокие сапоги. Тыкая пальцем в разбросанные бумаги, он что-то яростно доказывал девушке с пушистыми каштановыми волосами до пояса, устроившейся прямо на столе. Она была одета

почти так же. С той только разницей, что штаны на ней были зелёные, а жилет – тёмно-коричневый. В правой руке она держала большое розовое яблоко, в которое вгрызалась с громким хрустом при каждом слове своего визави. Нэт и Флора.

Атэ прокашлялся, но это не произвело на спорщиков никакого впечатления. На капитана просто не обратили внимания. Подумав, он развесил плащ на крючках у двери, давая ему последний шанс просохнуть, и уселся в свободное кресло во главе стола. На секунду он прислушался к разговору, но, обнаружив, что речь идёт о планировке королевского дворца, который Нэт построит себе, когда выяснится, что его давно пропавший отец был наследным принцем, громко произнёс в пустоту:

– Я нашёл тёмную магессу.

Нэт замолчал на полуслове. Флора ловко спрыгнула со стола, прогнулась как кошка и, облокотившись о столешницу локтями, приготовилась слушать.

– Живую? – спросил Нэт наконец.

– Зачем мне мёртвая? – спросил Атэ, картинно поднимая удивлённые брови.

– Ну, не знаю, сэр, может, вы в некроманты заделались, – пожал плечами Нэт.

Атэ усмехнулся, показывая, что шутку оценил, но тут же приподнял ладонь, пресекая дальнейшую болтовню.

– Дело тонкое, Нэт. чародейка жива, но я бы на неё имение не поставил. Вчера я подлечил ей, что успел, но... – Атэ содрогнулся. Запугивать молодняк он не хотел. – Одним словом, долго она не протянет.

– Так почему ты её не забрал? – спросила Флора напрямик. Атэ прищёлкнул языком и помрачнел.

– Говорю же, дело тонкое. Сейчас она в темнице у аристократа, героя войны. В свое время, сразу после того, как мы разбили Армию Заката, он забрал себе магессу по праву, как трофей. Тогда это было... нормальной практикой.

– Но ведь темных уже пару лет, как восстановили в правах, – Нэт вопросительно вскинул брови.

Атэ кивнул, не проронив, однако, ни слова. Флора фыркнула.

– Ты не понял, Нэт. Ключевое слово здесь – аристократ. Аристократ может держать на поводке любого, даже последнюю в мире чародейку, никто и усом не поведёт.

– Да какой тут поводок, – перебил её Нэт, – у нас приказ от самого...

– Тихо, – оборвал его Атэ и бросил косой взгляд на дверь, – вы оба правы. Но это всё пустой треп. Суть в том, что обстоятельства сейчас не на нашей стороне. Естественно, – он повысил голос, заметив, что оба подчинённых раскрывают рот, чтобы вставить свои пять медяков. – Естественно, магессу мы заберём – и сделаем это сегодня же. Но действовать официально, по закону – не получится. Придется как всегда... Надеюсь, – добавил он между прочим, – планов на вечер у вас нет.

Оба кивнули. Теперь они были готовы заглядывать в рот своему капитану.

– Только давайте договоримся, пока дело не сделано – молчание.

* * *

Атэ попросил накрыть на стол пораньше, около шести. Карти немного поворчала, но сделала всё вовремя. Лана тоже спустилась к ужину без опозданий. На сей раз на ней было самое любимое Атаниелем платье – из синего шёлка, украшенное осколками хрусталя, с длинной юбкой и глубоким разрезом на правом бедре. В нём она казалась бы маленькой звездинкой, упавшей с небес в руку ведьмака – так печален был взгляд больших синих глаз. Лана вообще редко бывала весела, и Атэ знал, что в этом много его вины, но ничего ни с собой, ни с обстоятельствами поделаться не мог.

Когда Карти подала закуски, Лана все-таки немного повеселела. Она то и дело шутила и мило склоняла прекрасное личико набок. Не будь Атэ капитаном тайной стражи, вряд ли он заметил бы, как при этом сжимают её маленькие

пальчики край кружевной скатерти. Атэ улыбался ей в ответ, как улыбался всем, кто был приветлив по отношению к нему, но мысли его то и дело возвращались к операции, назначенной на вечер.

– Спасибо, – выплыло из тумана незначительных слов, когда Карти уже вносила десерт.

Атэ недоумённо поднял бровь. Лана тихо улыбнулась.

– Ты хотел поужинать раньше. Я поняла, что вечер проведу без тебя. Но ты, по крайней мере, не ушел молча. Спасибо.

Атэ прикрыл глаза и глубоко вдохнул. Как часто случалось, ему захотелось войти в транс, чтобы случайно не ляпнуть лишнего, но он знал, что это было бы подло.

– Такое чувство, что передо мной сидит маленький я, – сказал он тихо.

Лана улыбнулась пустоте между ними.

– Я знаю тебя с твоего первого крика. Конечно, перед тобой ещё один ты. Только без иты.

Атэ сглотнул.

– Тогда ты знаешь, что я уйду не только на один этот вечер. Дело... обещает быть сложным.

В воздухе повисло тягостное молчание. Нет. Этого она не знала. Лана прикрыла глаза.

– Атэ... – сказала она тихо. Она тоже всегда следила за голосом, хоть в этом и не было нужды. – Атэ... Я могу уйти сама.

Атэ стремительно сжал в ладони её руку. Взгляд его стал жёстким.

– Лана, нет, – он на секунду замолчал. Про приказ сказать он не мог. Про Калена – тоже. – У меня нет времени на глупые споры. Если понимаешь меня, то поймёшь и сейчас. Просто... нужно уехать. Не могу сказать куда. Не знаю, на сколько. Мои люди будут присматривать за тобой.

Она покачала головой.

– Я не хочу, чтобы за мной присматривали, – последнее слово девушка почти выплюнула, кривя губы. – Или ты думаешь – я цветок? Поливай каждый день, и будет цвести?

Часы пробили девять. Атэ убрал руку.

– Лана, я всё сказал. Тебя будут охранять. Следить за тобой не будут. Хочешь уйти – уходи. Но я был бы тебе благодарен, если бы ты помогла и... прикрыла мое отсутствие. Меня могут искать.

Лана вздохнула.

– Конечно, я тебя прикрою, Атэ. Как всегда. Не беспокойся. Атэ встал, накинул плащ – вопреки обыкновению не белый, с гербом императора, а тёмно-синий, почти невидимый в темноте, поцеловал жену в лоб и вышел прочь.

Глава 4. Ночь

Атэ опустился на жёсткое сиденье кареты и глубже запахнул плащ. Посмотрел на закутанную в чёрное фигуру, сидевшую напротив. Из-под плотного покрывала выпросталась рука в тонкой перчатке – в таких случаях Флора всегда прятала руки, потому что пальцы её хранили следы от долгих тренировок с мечом, а ногти были коротко острижены, в отличие от ногтей благородных дам и продажных женщин. Она убрала с лица вуаль, открывая обзору сочные алые губы.

– Кэп, ты здоровски не в форме.

Атэ покачал головой и, бросив короткое:

– Работаем, – отвернулся к окну.

* * *

Дорога заняла не больше получаса. Когда они были уже совсем близко к замку, вновь начался мелкий дождь. Атэ вышел из кареты и, предложив руку спутнице, бросил короткий взгляд на козлы. Нэт подмигнул ему и накинул на плечи капюшон. Ведя Флору под руку, Атэ прошел мимо стражи – никто не обратил на него особого внимания, видимо, хозяин предупредил о скором приходе старого друга. Кален встретил их в той же гостиной. Атэ на секунду показалось, что друг не вставал с кресла со вчерашнего дня, но он понял, что ошибся, заметив свежие царапины на пальцах, державших кубок. Кален тепло поприветствовал гостя и его спутницу. Атэ уже собрался представить Флору, но друг заговорил первым.

– Знаешь, Атэ, ты был неосторожен. Может, когда ты уходил, это чудовище и было беспомощным, но стоило мне войти, я чуть было не остался без руки.

Атэ почувствовал, как у него холодеет в груди.

– Но ты справился? – спросил он с деланным равнодушием.

– Конечно. Пришлось её слегка успокоить, – видимо, Атэ всё же выдал себя, потому что Кален тут же добавил: – Ну... Не волнуйся ты так. Не буду же я ломать свою любимую игрушку. Она еще и не такое выдержит.

Атэ облизнул губы.

– Просто этот разговор, – сказал он, не скрывая волнения, – напоминает о самом интересном.

Кален коротко усмехнулся.

– Право, как малец в первую ночь у проститутки.

Флора хихикнула под вуалью. Услышав женский голос, Кален тут же подобрался и слегка покраснел.

– Атэ, я не спросил, кто с тобой?

– Прошу прощения, – Атэ склонился в лёгком поклоне. Затем протянул руку и, щёлкнув брошкой, помог девушке освободиться от просторного плаща. – Мистресс Флора.

Кален замер, разглядывая представшую его взору картину: на девушке было тёмно-синее облегающее платье с открытыми плечами. Шею украшало недорогое, но изящное ожерелье из яшмы. Дополняли картину длинные перчатки с кружевной оторочкой, делавшие руки Флоры изящнее и скрывавшие их силу, рожденную долгими тренировками.

– Мистресс, – Кален прокашлялся, приводя голос в порядок, – мистресс. Чего?

Благородных дам обычно называли не только по титулу, но и по названию родовых владений.

– Просто, – мягко ответила Флора, протягивая руку в перчатке для поцелуя, – мистресс.

Атэ с любопытством наблюдал за сменой выражений на лице Калена. Он с радостью отметил, что старый знакомый ещё не сбрендил окончательно и замечает вокруг что-то кроме своей злобы и ненависти. Кален с заметным трудом оторвал взгляд от Флоры, которая без разрешения опустилась в кресло напротив закинула ногу на ногу, демонстрируя вполне благородный изгиб бедра в разрезе узкой юбки. А затем хозяин замка взглянул на бывшего сослуживца.

– Вы... – спросил Кален и сделал в воздухе неопределённый жест.

– Мы – нет, – Атэ усмехнулся. – Флора много слышала о твоём замке и хотела посмотреть всё своими глазами.

Кален снова прокашлялся.

– Ну, ты-то мой замок уже видел.

Атэ усмехнулся, и Кален усмехнулся в ответ, на секунду становясь таким, как раньше.

– Само собой. Я бы лучше осмотрел тюрьму.

Связка ключей легла в открытую ладонь Атэ, а затянутая в чёрное изящная кисть – в руку хозяина замка. Флора усмехнулась, с намеком приподнимая бровь, Кален расставил шире колени и подался вперед. Мысленно поставив первую галочку в списке планов на вечер, Атэ вышел в знакомую уже дверь, снял со стены факел и двинулся по коридору. На локте у него по-прежнему висел просторный плащ Флоры...

* * *

Семь ступенек тут... Коридор... Двадцать шагов... Поворот... Дверь.

Атэ вздохнул с облегчением и, закрепив факел на стене, заглянул в решётчатое оконце в двери, но ничего не разглядел. Тогда он отпер дверь и, с силой толкнув её, замер на пороге. Небольшой круг света в центре комнаты был пуст. Угол с вбитым в стену крюком для ошейника тоже. Сердце Атэ замерло. Он слишком долго искал эту магессу, что бы потерять её – так или иначе. Ведьмак сделал шаг вперёд и едва успел уклониться от тяжелых кандалов, летящих ему в висок. Роняя плащ, он перехватил локти нападавшей и, молниеносно развернув её, прижал к себе истощённое тело. Чародейка была лёгкой, как пушинка – чтобы удержать её, не требовалась пыльца. Она билась в руках Атэ, будто пойманная птица, но ей не хватало силы даже сдвинуть с места пальцы светлого. Сердце Атэ гулко стучало, и он чувствовал, что сердце магессы бьётся так же сильно – прямо напротив его собственного.

– Тихо, – сказал Атэ в самое ухо пленницы, – тихо. Это я. Я не обманул, правда? Я пришёл.

Чародейка медленно успокаивалась, а Атэ продолжал бормотать ничего не значащую чушь, то и дело спрашивая: «Я не обманул. Ведь так?» Наконец темная перестала трепыхаться и прорычала что-то. Атэ вновь развернул её и

всмотрелся в лицо, только теперь замечая, что во рту у магессы торчит расширитель, не позволяющий ей сомкнуть челюсти. Атэ вновь ловчее перехватил худое тело одной рукой, а другой, помогая себе зубами, распустил кожаный ремень на затылке узницы. Аксессуар упал на пол, звякнув о каменную плиту, и Атэ снова прижал чародейку к себе спиной, не позволяя шевельнуться. Та, кажется, изо всех сил пыталась размять челюсти, не прибегая к помощи рук. Наконец она заговорила:

– Зачем? Что ты хочешь?

Голос чародейки звучал куда хуже, чем вчера, он стал сиплым и слабым. Так, будто между их встречами она долго и громко кричала. Атэ невесело хмыкнул.

– Не место для философских бесед, тебе не кажется? Чародейка неуверенно кивнула, не зная, как реагировать на шутку. Смешно ей явно не было. Атэ открыл было рот, собираясь как-то разрядить атмосферу, но тут в голове его, на самом краю сознания, прозвучал тихий звон колокольчика. Атэ удивлением отметил, что чародейка тоже насторожилась, будто и сама слышала этот звук.

– Это сигнал, – сказал Атэ, – пожалуйста, не дури. И утром мы оба будем пить чай и есть вареники. Любишь вареники?

Чародейка не ответила, но Атэ не сомневался, что сейчас она видит перед собой гору вареников, политых сметаной, а значит, не может сопротивляться. Улучив мгновение, ведьмак подхватил с пола плащ и накинул его на плечи чародейки, как сачок на крылья бабочке. Торопливо защёлкнул брошь и низко опустил капюшон. Одной рукой приобняв магессу за плечо, другой он вытащил из крепления в стене факел. Тут же понял, что ему не хватает третьей конечности, чтобы закрыть дверь, и отпустил магессу, готовый к тому, что та рванётся прочь или нападёт. Однако темная стояла неподвижно всё время, пока Атэ орудовал в замке. Оказавшись в незнакомом месте, она, похоже, растерялась, и Атэ это более чем устраивало.

Атэ снова обнял её за плечо и быстро, насколько это было возможно, повёл вверх. Несколько раз магесса оступалась, когда Атэ забывал предупредить её о ступеньках. Атэ тихо чертыхался, заставляя отступницу съезжиться, но тут же извинялся. Наконец они поднялись на первый уровень замка. Коридоры здесь были освещены факелами, закрепленными на стенах через каждые несколько

метров.

– Теперь осторожно, – шепнул Атэ в самое ухо чародейки, – никаких фокусов и держись вплотную ко мне.

Темная кивнула и действительно прижалась к плечу Атэ. Ведьмак чувствовал, как дрожит её спина, но мог только радоваться, что под плащом этого не увидит никто другой. Атэ слегка замедлил шаг, когда они уже почти достигли выхода. Тут им навстречу пронеслись взбудораженные охранники, но никому из них не пришло в голову остановить капитана-имперца и его «спутницу». У самого выхода Атэ перехватил пробежавшего мимо часового и спросил:

– Что происходит, милейший?

Часовой был молодым и явно не знал ответа на вопрос. Глаза его бешено вращались от возбуждения. Атэ недовольно поморщился.

– Мы с мистресс Флорой уходим, я вижу, для неё тут опасно. Передай хозяину – спасибо за гостеприимство, понял?

Паренёк кивнул. Атэ отпустил его рукав, и тот помчался дальше. Ведьмак вздохнул с облегчением. Однако во дворе случилась непредвиденная заминка. Чародейка остановилась как вкопанная, запрокинула голову назад, рискуя показать стражникам изуродованное лицо, и больше минуты стояла так, хватая ртом капли дождя, летящие с неба. Атэ хотел было рвануть её прочь, но не посмел.

Только когда мимо них вихрем пронеслась настоящая Флора, Атэ дёрнул чародейку за плечо и, заставив пригнуть голову, усадил в карету. Нэт пустил коней в галоп, и уже через несколько минут они вылетели на открытую дорогу. Магесса оказалась прижата к дальнему углу салона. Она нахохлилась и даже не пыталась снять капюшон. Флора, сидевшая напротив, рассматривала её с таким откровенным любопытством, что впору было радоваться, что магесса ничего не видит.

– Как все прошло?

– Удачно. Я как раз отпросилась... попудрить носик. Оттуда и сбежала. Твой Кален... он... страшный. Ты это понимаешь, капитан?

Атэ кивнул. Калена он не боялся. Он понимал суть того, что происходило с другом, и ему старого ведьмака было... жалко. Как бывает жалко верного боевого коня, который, упав, ломает ногу. Надо бы добить, а рука не поднимается.

Когда экипаж отъехал достаточно далеко, пересек несколько мостов и изрядно поплутал по узким переулкам старого города, сбивая возможных преследователей с толку, Нэт остановил коней. Он спрыгнул с козел и, заглянув внутрь кареты, тоже одарил колдунью любопытным взглядом. Но больше его всё же интересовал Атэ.

– Что делаем, кэп? – спросил молодой ведьмак.

Атэ пожевал губами.

– Ты мне нужен, чтобы добраться до укрытия, – он перевёл взгляд на девушку, – а тебе, Флора, придётся идти пешком.

Красавица пожала тонкими плечами.

– Плащ-то верните, – бросила она, – не лето, чай. Флора протянула руку к пленнице, и чародейка, будто почувствовав её приближение, забилась еще дальше в угол. Атэ покачал головой. Скинув собственный плащ, он протянул его Флоре и помог выбраться из кареты.

– Ещё, – сказал он уже снаружи, – Фло, найди мне хирурга, который возьмется за очень тонкую работу, о которой потом стоит молчать всю жизнь. Самого лучшего. И как можно скорее.

Флора кивнула, любопытства в её взгляде прибавилось.

– Найдёшь – свяжись со мной через Нэта. Меня не искать. Кто спросит – ездила со мной в гости, расстались, больше не видела. Для тебя, Нэт – то же самое, – Атэ перевёл взгляд на юношу, и тот серьёзно кивнул.

Атэ протянул руки к Флоре и стиснул её в мимолётных объятиях.

– Увидимся, – шепнул он и собирался уже снова скрыться в карете, но его остановила рука Нэта, оказавшаяся на плече.

– Кэп, – пробормотал Нэт неуверенно, – тут темно так... Я немного её провожу, ладно?

Флора только фыркнула, всем видом показывая, что в состоянии добраться сама. Атэ задумчиво ковырнул ногой мостовую. Задерживаться было опасно. Но зато у него появится время кое-что сделать...

– Проводи, – Атэ серьёзно кивнул. – Но только очень быстро, Нэт.

Наблюдая, как парочка исчезает за поворотом, Атэ снова забрался в карету и уселся напротив магессы. Некоторое время он смотрел на её сгорбленную фигуру, с головой укутанную в чёрное. Затем протянул руку и, стараясь не касаться тела узницы, осторожно откинул на затылок капюшон. Та на секунду вжала голову в плечи, но тут же выпрямилась и нарочно подставила лицо под свет фонарей, льющийся из окна.

И всё равно Атэ не мог узнать её.

– Доволен? – спросила чародейка.

– Нет, – сказал Атэ спокойно, – но всему своё время. Он помолчал. Потом добавил:

– Тебе что-нибудь нужно? Есть, пить? Исцелить раны? Тёмная отвернулась, будто бы могла видеть пейзаж за окном.

– Сними это, – сказала она наконец, протягивая к Атэ скованные руки. Впервые в её голосе прозвучала просьба.

Атэ поколебался.

– Я пока не сниму ограничители, – сказал он и, заметив, как на губах чародейки расцветает злая усмешка, торопливо добавил, – но я освобожу руки. И уберу это, – он легко коснулся ошейника, невольно заставив магессу вздрогнуть.

Атэ достал из кармана пару отмычек – самых обычных, не магических, и склонился над пленницей. Ведьмак видел, как растёт напряжение в теле колдуньи, и всё же она, кажется, не собиралась бросаться на стража. Атэ осторожно взял её за подбородок и аккуратно приподнял, стараясь не растревожить раны, но всё же получить доступ к горлу. Чародейка не сопротивлялась – Атэ видел, какие усилия она прилагает, что бы совладать с дрожью.

– Всё хорошо, – сказал Атэ, но тут же понял, что в этом нет никакого смысла. Разум магессы был ясен. И она уже не проявляла враждебности. Но тело её прошло жестокую школу боли, и этого слова исправить не могли.

Ведьмак перестал говорить и просто стал работать с замком.

В карете было темновато, и ему пришлось еще раз слегка развернуть голову магессы. Теперь он чувствовал шумное дыхание прямо у своего уха. Прошла пара минут, прежде чем он справился.

– Я всё же не взломщик, – сказал Атэ, опуская ошейник в руки чародейки.

Та поднялась и, нащупав дверцу кареты, распахнула её. Размахнувшись обеими руками, магесса вышвырнула орудие пытки прочь, и оно шумно зазвенело по мостовой.

Атэ проводил ошейник прищуренным взглядом и подумал, что эта неосторожность может дорого им обойтись, но промолчал. Упрекать бывшую пленницу не хотелось совершенно. Магесса снова уселась на своё место. Атэ не преминул порадоваться тому, что она больше не пытается бежать. Что бы ни говорила тёмная, определённое доверие между ними установилось. Чародейка потянулась к освободившейся шее, но Атэ остановил её руки. Он распахнул ворот её плаща, разглядывая изорванное горло. Наклонился и слегка подул на открытые раны. Магесса не удержалась и дёрнулась прочь – скорее от неожиданности, чем от страха.

– Тихо, тихо, – пробормотал Атэ в очередной раз.

– Не разговаривай со мной как с ребёнком, – огрызнулась та, но доступ к горлу открыла.

– А как с тобой разговаривать? – мягко спросил Атэ, касаясь краешка раны самыми кончиками пальцев. – Ты кричишь на лекаря, бросаешься на него с кулаками, даже палец откусить пыталась...

Тёмная промолчала, и Атэ продолжил свою работу. Он медленно поглаживал шею пленницы, пока раны не перестали кровоточить. Затем вздохнул и откинулся назад. Атэ устало потёр лоб. Действие иты заканчивалось – всё быстрее и быстрее каждый раз. Он понимал, что так лечить чародейку он будет очень-очень долго. А еще эти глаза... Атэ посмотрел на швы и содрогнулся.

«Ладно, – повторил он про себя, – всему своё время». Немного отдохнув, Атэ заметил, что магесса замерла, протягивая к нему скованные руки. Несмотря ни на что, она надеялась – и не могла этого скрыть.

– Прости, – сказал Атэ. Он достал еще одну отмычку и принялся расцеплять между собой звенья. Это оказалось проще, чем вскрывать настоящий замок, и очень скоро запястья магессы оказались на свободе.

Едва Атэ успел закончить, как за окном промелькнула худощавая фигурка Нэта.

– Почему так долго? – изображая возмущение, которого на самом деле не испытывал, Атэ выскочил из кареты и стремительно утянул Нэта за нее.

Рывок, и ухо юноши уткнулось Атэ в губы.

– Видишь там – блестит?

Нэт стрельнул глазами в указанную Атэ сторону.

– Ага.

– Это ошейник нашей чародейки. Подбери его незаметно и позаботься о том, чтобы его никто и никогда не нашел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/veter_morveyn/ostrov-zabytyh-dush

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)